

К ВОПРОСУ О РУССКИХ ВОЕВОДАХ НА УКРАИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

О русских воеводах на Украине во второй половине XVII в. писали В.О. Эйнгорн, В.И. Щербина, Н.Н. Оглоблин, В.С. Евфимовский, Ф.П. Шевченко¹. Отдельные вопросы, связанные с данной проблемой, затрагивались в исследованиях С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, А.М. Лазаревского, М.Е. Слабченко, К.А. Софроненко и др.² Однако до сих пор почти не изучались региональные особенности деятельности русских воевод на Украине, а некоторые исследователи пытаются представить картину таким образом, будто русские воеводы оказались «нежелательными элементами», превращавшими Украину в колонию России, занимая по отношению к ней откровенно враждебные позиции³. Между тем такой подход носит явно упрощенный характер.

В данном сообщении на основании прежде всего архивных материалов автор делает попытку рассмотреть проблему без предвзятости, избрав в качестве объекта исследования Черниговщину – большой регион, через который проходили главные артерии различных связей Украины с Россией в XVII в.⁴ Следует оговориться, что в XVII столетии границы Черниговщины не совпадали с границами современной Черниговской обл. Так, черниговскими были тогда города Стародуб, Почеп, Погар (нынешняя территория России), Глухов, Конотоп, Кролевец (нынешняя Сумская обл. Украины), а некоторые города современной Черниговской обл. в те времена принадлежали к другим регионам Украины. В частности, Прилуки и Варва относились к Полтавщине. Во времена польского владычества на территории края было создано Черниговское воеводство (1635 г.). В годы освободительной войны под предводительством Богдана Хмельницкого произошли изменения в административно-территориальном делении. В 1648 г. возникли Черниговский и Нежинский полки, а в 1663 г. – Стародубский полк. Разделение края на три полка сохранялось до XVIII в.

Еще накануне провозглашения объединения Украины с Россией Б. Хмельницкий обращался к царю Алексею Михайловичу с просьбой прислать «в Киев и в иные города своих государевых воевод, а с ними ратных людей, хотя с 3000 человек <...> для тех же государевых воевод»⁵. Он надеялся на их помощь прежде всего в деле защиты украинских городов от внешней агрессии со стороны Речи Посполитой, Турции и Крымского ханства. На повестке дня стоял и вопрос о сборе налогов. В связи с этим гетманские послы обращались к царю с предложением «и доходы б с малороссийского народа збирать их <...> людям и отдавать в казну государеву присланным от него воеводам»⁶. 30 января 1654 г. Алексей Михайлович повелел незамедлительно отправиться в Киев на службу в качестве воевод боярину кн. Ф.С. Куракину и боярину кн. Ф.Ф. Волконскому. С ними направлялись дьяк А. Немиров и служилые люди, а также необходимое вооружение.

В Нежине и Чернигове ожидали воевод из России⁷. Обстановка была здесь в целом спокойная, и население готово было принять русских представителей. Когда стало известно, что в край для введения воеводского правления приедет кн. А.Н. Трубецкой, «вся чернь обрадовались было, желаячи того, чтоб уж имели единого государя и до кого склоняться». Однако определенная

* Пирог Петр Владимирович, доктор исторических наук, профессор Черниговского государственного педагогического университета им. Т.Г. Шевченко (Украина).

настороженность сохранялась. В частности, боялись, что воеводы, не зная местных обычаев и нравов, могут препятствовать развивающемуся в городах церковному и «градскому» строительству. Не было полной уверенности и в том, что города не будут подвергаться разорению, а их население – насильно отправляться в Россию. Предстоящими событиями была немало взволнована и старшина, опасавшаяся утраты своего привилегированного положения и поэтому восстанавливавшая население против воевод из России: «И так посполство страшат, что уж как царь возмет Москва в свои руки, то неволью будет крестьяном в сапогах и в суконных кафтанах ходить, и в Сибирь или на Москву будут загнаны»⁸.

Как бы то ни было, но боярин В. Шереметев сообщал 8 июня 1658 г., что во время его пребывания на территории Черниговщины население Глухова, Кролевца и Батурина встречало его «с великою честью» и просило, чтоб царь послал «своих государевых воевод и к ним в города, чтоб им <...> от гуляйства и самовольных воров жить было безстрашно»⁹. А население Стародуба считало, что если в их город не придут в ближайшее время русские воеводы, оно окончательно разорится от притеснений старшины¹⁰.

Российские воеводы появились в Нежине и Чернигове в 1659 г. Зимой 1662/63 г. Иван Брюховецкий обращался к Алексею Михайловичу с просьбой о вводе воеводы и 300 ратных людей в Новгород-Северский. В Остреле, где уже стояли «государевы люди» (т.е. ратные), по уверениям Брюховецкого, был и «воевода ж надобен». Со временем эта просьба была удовлетворена¹¹. В начале 1666 г. российские воеводы прибыли в Новгород-Северский, Глухов, Батурин, Стародуб. Тогда же они появились на Полтавщине: в Гадяче, Полтаве, Миргороде, Лубнах, Прилуках. Брюховецкий «привел» их «во все начальные города малороссийские»¹².

По данным на 1668 г., воеводами на Черниговщине были следующие лица: в Чернигове – стольник Андрей Васильевич Толстой; в Нежине – Иван Иванович Ржевский; в Стародубе – стольник кн. Игнатий Григорьевич Волконский; в Соснице – Василий Богданович Лихачев; в Остреле – Дмитрий Иванович Рагозин; в Глухове – стольник Митрофан Лаврентьевич Кологривов; в Батуринах – Тимофей Дмитриевич Клокачев; в Новгороде-Северском – Исай Максимович Квашнин. В 1673 г. на воеводской службе встречаем: в Чернигове – стольника кн. Семёна Андреевича Хованского и Никона Чаплина; в Нежине – стольника кн. Владимира Андреевича Волконского и Аверкия Сидоровича Опухтина, в Остреле – Петра Сафонова¹³. Документы более позднего времени упоминают нежинских воевод Петра Ивановича Бобрищева-Пушкина, Александра Ивановича Траханиотова¹⁴. Имеются также сведения о черниговских воеводах Владимире Дмитриевиче Долгоруком, Андрее Ивановиче Леонтьеве, Семёне Колтовском, Даниле Трофимовиче Наумове, Михаиле Васильевиче Кропоткине, Богдане Федоровиче Полибине и др.¹⁵

Русским воеводам, направляемым в украинские города, предписывалось «в тех городах ведати <...> городовые крепости, и осады, и осадных людей, и оберегать от неприятельских приходов»¹⁶. Им запрещалось какое бы то ни было вмешательство в дела местного самоуправления. Специальными грамотами, полученными Черниговом, Нежином, Глуховом, Меноем, Новгород-Северским, Коропом, Остром, Стародубом, Почепом, Погаром, подтверждались привилегии, которые этим городам предоставляло магдебургское право.

Каждый воевода перед отбытием во вверенный ему город получал наказ. Например, при отправлении в Нежин воеводы Ивана Ивановича Ржевского 28 июня 1665 г. ему был определен большой круг обязанностей. Приехав к месту службы, он должен был ознакомиться со списком служилых людей, «пересмотреть всех на лицо», узнать, «в которых местах, и далече ли от города, и по сколку человек каких служилых людей на сторожах и в городах на вестях бывают, и в сколько дней переменяютца» и велеть им по-прежнему оставаться там на «государеве службе». Новому воеводе необходимо было также принять имущество, денежную казну, вооружение, хлебные и соляные запасы¹⁷.

Особое внимание уделялось организации караульной и сторожевой службы. Служилых людей обязывали следить за соблюдением порядка внутри города и не допускать проникновения в него лазутчиков или каких-либо злоумышленников. Воевода же обязан был контролировать самих служилых людей, предостерегать их от «всякого дурна»: чтобы они не пьянствовали, не развратничали, не играли в азартные игры и вообще не совершали каких бы то ни было недостойных поступков. Преследовалось воровство, за которое устанавливалось наказание, «смотря по вине, кто чего доведетца, чтоб впредь иным воровать не повадно» было.

Появлявшихся в Нежине по тем или иным причинам выходцев из других стран воевода должен был в подробностях расспросить: зачем прибыли, есть ли у них письма или грамоты от своих властей, что они знают или слышали о польском короле, турецком султани и крымском хане и их ближайшем окружении, есть ли «в сборе» с ними «воинские люди», сколько их, каково место

их сосредоточения, с какими государствами имеется у короля «ссылка», «не чают ли» король, хан или султан «приходу» на «государевы украинные города» и т.д.

Воеводе следовало интересоваться, нет ли в тех местах, откуда прибывают люди в его город, морового поветрия и принимать меры предосторожности против распространения эпидемий. И.И. Ржевскому предписывалось также следить за тем, чтобы приезжавших в Нежин по торговым или каким-либо другим делам людей записывали в Приказной избе. Не зарегистрировавшимся запрещалось жить в городе. В отношении русских людей, находившихся в Нежине на царской службе, Ржевский должен был поступать по указанию из столицы. Казаков же, мещан и всяких «жилетских людей» Нежина ему «ничем не ведать» и «в права их в черкаские ни в какие не вступатца». Суд по отношению к ним находился в ведении нежинского полковника. О всех событиях и происшествиях воевода должен был информировать в Киеве воеводу боярина П.В. Шереметева, а также главу Малороссийского приказа боярина П.М. Салтыкова. Судя по архивным материалам, беспрекословное выполнение подобных инструкций вменялось в обязанность воеводам на протяжении всего периода функционирования на Украине института воеводского правления¹⁸.

Как отмечалось, в города, управлявшиеся русскими воеводами, присылали ратных людей. Сохранились сведения об их количестве в некоторых из них. Так, по данным на 3 июля 1661 г., в Киеве было 4499 «государевых» людей. В Нежине по состоянию на 15 августа 1662 г. насчитывалось 3165 воинов¹⁹. Число ратных людей, направляемых в украинские города, зависело прежде всего от стратегического значения того или иного города, и потому воины распределялись между ними неравномерно. Число это не могло быть и постоянным: все зависело от конкретных обстоятельств, связанных прежде всего с военными действиями.

Ратные люди, как правило, размещались по «казачьим и по мещанским дворам». Лишь в Чернигове и Нежине по указу царя для них были построены «особные» дворы. Когда гетман Д. Многогрешный на основании царского указа дал распоряжение черниговскому полковнику «места уступить» для поселения новой партии ратных людей в пределах верхнего города, Иван Лысенко от имени населения города просил его, «дабы им о том никакова насилья не чинил и их с старожитных мест <...> не изгнаны». Гетман обратился к царю с просьбой об удовлетворении их желания. Располагать ратных людей в «особных» дворах стремились и в других городах. Епископ Мефодий в 1666 г. говорил, «чтоб во всех малороссийских городах воеводы и ратные люди жили особо в городках, так же, как в Нежине, потому что малороссийского народа люди ко всему шатки; сохрани Боже, кто б чего не всчал»²⁰.

Вопросами содержания ратных людей ведал Малороссийский приказ. Он обязан был снабжать их хлебным довольствием. Поставщиком хлеба для ратных людей была и Украина. В городах, где они квартировали, создавались хлебные запасы. Так, в «житницы» Нежина в 1662 г. засыпали 6993 чети ржи. Вместе со старой рожью запас города составил 7468 четей²¹. Есть основания полагать, что большие хлебные запасы накапливались в Новгороде-Северском, ибо туда в «великого государя казну» свозили хлеб практически со всей округи: из Стародуба, Почеп, Погара, Мглина, Глухова, Кролевца, Коропа, Воронежа. По всей вероятности, хлеба поступало в город действительно много, так как мещане и крестьяне Новгород-Северского уезда, которых привлекали к строительству амбаров для его хранения, жаловались, что это им не под силу и просили, «чтоб каждый город с уездом своим в Новгороде Северском сами под те хлебные присылки амбары делали». Хлебные запасы в Остре и Козельце были, по-видимому, небольшие, поскольку на май 1666 г. они составляли всего лишь 240 осьмачек²².

Российское правительство стремилось к тому, чтобы хлебные запасы по возможности не иссякали. Так, 29 ноября 1677 г. П.И. Бобрищев-Пушкин получил распоряжение, чтобы «в Нежине хлеба припасено было з доволством» «на два года». Сделать это воевода должен был как можно быстрее: «времени <...> не испустить», ибо в дальнейшем хлеб мог подорожать²³.

Как уже отмечалось, одной из главных задач российских воевод и ратных людей была защита украинских городов от посягательства врагов. Хотя ратные люди сами находились в весьма затруднительном положении, эту свою задачу, по признанию Н. Оглоблина, они «исполнили более или менее блистательно»²⁴. Население Украины видело в них реальную силу, способную отразить вражеские нападения.

В 1662 г. черниговские полковник, войт и бурмистр обращались к воеводе с тем, чтобы тот просил царя прислать в Чернигов ратных людей для обороны города от неприятеля, «а будет де <...> своих великого государя ратных людей в Чернигов не пришлешь и их <...> от неприятелей не оборонишь, и неприятельские полки большие под Чернигов подступят, так де уж им против неприятелей и стоять будет невмочь»²⁵. Иван Брюховецкий во время пребывания в 1666 г. в Москве просил, чтобы «воеводы из <...> всех городов гетману и войску на неприятелей помочи и силу

давали»²⁶. Весной 1669 г. архиепископ Черниговский Лазарь Баранович просил Алексея Михайловича «пожаловати велети на защищение малороссийских городов <...> царского величества ратных людей прислать»²⁷.

В конце октября 1672 г. нежинский протопоп Симеон Адамович, обращаясь в Москву за помощью для отражения турецко-татарской агрессии, писал: «...Прибавляйте сил в Киев, в Переясловль, в Нежин и в Чернигов; ведаешь, твоя милость, непостоянство наших людей; лучше держатися будут, как государские силы в те города прибавят»²⁸.

Русские воеводы со своими ратными людьми принимали самое активное участие в отражении польской, турецкой и татарской агрессии на Украине, наводя «военные страхи на противников»²⁹. Часто они вступали в борьбу совместно с казаками полков Черниговщины³⁰. И жители украинских городов радовались прибытию воевод и ратных людей, ибо «от неприятелей учали быть безопасны» и «учало быть везде смирно»³¹.

Малороссийский приказ проявлял постоянную заботу о снабжении украинских городов вооружением. В ответ на просьбу нежинских мещан «о нескольких частях наряду, зелья и свинцу, потому что <...> ни малого отпору не имеем, чем неприятелю дати»³², в городе появилось (по данным на 1662 г.) 18 ядер пушечных, 99 пуд. пороха, 85 пуд. свинца, 141 пуд. фитиля. Помимо этого И.И. Ржевский получил «пушечных запасов: пороху 9 бочек по весу и с деревом 105 пуд, свинцу 40 пуд, фетилю 30 пуд, пушечных 500 ядер розных статей»³³. В Чернигов в 1669 г. Малороссийский приказ отправил 200 пуд. свинца и 100 пуд. фитиля, а воевода Толстой передал казакам несколько пушек³⁴. В следующем году в Нежин и Чернигов было отправлено по четыре медных пицали. Получали вооружение и боевые припасы также другие города³⁵.

Воеводы занимались и вопросами городского хозяйства. Так, из отписки нежинского воеводы А.И. Траханиотова (1681 г.) видно, что он заботился о городском строительстве. Воевода был обеспокоен затруднениями, возникшими при перевозке предназначенного «на городское строенье» леса, который был сложен для хранения на берегу р. Десны возле с. Кладьковки³⁶. Черниговский воевода С. Колтовский контролировал в городе деятельность кружечного двора. Он запрещал целовальникам воровать, заниматься реализацией «худова вина и с подмесом». При продаже спиртных напитков в розницу он обязывал использовать «вместо кружек фарты». За 5 месяцев пребывания С. Колтовского в Чернигове (1680 г.) от продажи вина было получено 116 руб. 25 алтын 4 деньги³⁷. В числе обязанностей черниговского воеводы был контроль за исполнением подводной повинности³⁸.

Воеводы рассматривали также дела о взаимоотношениях между местными жителями и русскими людьми. Например, в Нежине у мещанина Игната Громашенко пребывал на постое путивлец Иван Мосалитинов. Он систематически обижал хозяина, выгонял его из его собственного дома. Однажды, будучи пьяным, Иван сильно избил Игната, нанес физический и материальный ущерб. В челобитной от 26 апреля 1662 г. Громашенко просил «о суде на него, Ивана, в Нежин к воеводе князю Семену Ивановичу Шаховскому»³⁹. Подобных случаев было немало.

Воеводы решали и различные дела имущественного характера. В частности, настоятель Борисоглебского собора в Чернигове Гавриил Алешкович в 1666 г. обращался с челобитной к Алексею Михайловичу, чтобы тот поручил воеводе А.В. Толстому закрепить за клиром право на владение двором, ранее принадлежавшим черниговскому полковнику Аникию Силичу, и сделать соответствующую запись в книгах. Поручение воеводой было исполнено⁴⁰.

Иногда русских воевод привлекали к дипломатической деятельности. Так, в мае 1675 г. готовилось посольство к королю Яну Собескому. В числе его членов находим имя думного дворянина бывшего нежинского воеводы И.И. Ржевского⁴¹.

Воеводам вменяли в обязанность и приведение местного населения к присяге на верность царю. Отсутствовавших на раде в Глухове старшину, казаков и мещан кн. Г.Г. Ромодановский велел привести к присяге в Нежине воеводе И.И. Ржевскому, в Чернигове – воеводе А.В. Толстому. В Стародуб, Новгород-Северский «и в иные города» для выполнения этой миссии был направлен Умай Шамардин⁴².

От воевод во многом зависела судьба как русского, так и украинского населения тех городов, в которых они пребывали. Поэтому личности воеводы придавалось большое значение. На Черниговщине популярностью пользовался И.И. Ржевский. Позже он занимал должность наместника г. Чигирина, сыграв заметную роль при организации защиты его от врагов. Погиб Ржевский 3 августа 1678 г. во время генерального штурма Чигирина турками⁴³.

К сожалению, прибывший из Козлова на место Ржевского 19 января 1672 г. Степан Хрущев зарекомендовал себя далеко не с лучшей стороны, пришелся нежинцам не по душе. 30 октября 1672 г. нежинский протопоп Симеон Адамович в челобитной царю писал: «Бога ради, воеводу нам в Нежин посылайте добра человека. Степан Иванович Хрущев не по Нежину воевода; дайте

нам такова, как Иван Иванович, и последний бы с ним ныне за великого государя рад умереть; а с ним не дай, Господи, в осаде <...> сести»⁴⁴. Подъячий Иван Матвеев жаловался в Малороссийский приказ, что воевода живет «не по указу», часто ездит по гостям, бывает пьян, а также выезжает со своими людьми за город для стрельбы из луков. В грамоте на имя Хрущева от 12 июня 1673 г. последовало предупреждение, что если тот и впредь учнет «жить небрежно», окажется «в опале, и в жестоком наказании, и в разорении безо всякие пощады»⁴⁵.

Русские воеводы постепенно начали злоупотреблять своим положением, притесняли трудовое население, обложив его податями и повинностями. Обнаружилось и вмешательство воевод в полковничьи выборы. Так, например, когда весной 1666 г. Роман Ракушка-Романовский отправил своих людей для взимания хлебного сбора с мельниц Менского, Сосницкого и Понорницкого уездов, черниговский воевода Андрей Толстой в этом им отказал и прислал своих сборщиков, «не списавшись с боярином и гетманом с Иваном Мартыновичем Брюховецким». Точно так же воевода Иван Гавренев поступил с глуховскими мельницами. Острянские и козелецкие мельницы воевода Петр Шереметев «отписал на великого государя», и хлебные доходы с них прибрал к своим рукам⁴⁶.

В результате подобных действий воевод в конфликт с ними и с ратными людьми вступала старшина и другие представители высших сословий Украины. В частности, обострились отношения местных землевладельцев с российскими воеводами в г. Чернигове. Так, черниговский полковник Василий Игнатович «учал делать выводы и роскати прибавочные» для того, чтобы «у ратных людей води отнять и всякую тесноту учинить». А Леонтий Полуботок заградил плотинной на р. Стрижне «водяной проижд», по которому в крепость доставлялись хлебные припасы, «и поставил мельницу, а в том месте и на той реке мельниц преж сего отнюдь не бывало»⁴⁷. Для предотвращения подобных случаев требовалось вмешательство центральной власти.

Опасаясь утратить свою власть, гетман Брюховецкий в 1668 г. начал против воевод настоящую войну, сговорившись со старшиной «воевод, от него ж самого введенных, убивать». На борьбу были подняты казаки и мещане. Положение усугублялось тем, что в среде казаков распространялись слухи, будто российские воеводы «выступят из городов малороссийских, а на место свое пустят поляков, которые без всякого труда овладеют Украиной». Много воевод погибло. На Черниговщине был убит стародубский воевода стольник кн. Игнатий Волконский, в Новгороде-Северском – Исая Квашнин. Глуховский воевода Мирон Кологривов был отвезен в Крым. Тимофея Клокачева из Батурина взяли в Чигирин. Неизвестно, что случилось с сосницким воеводой Василием Михайловым. В Нежине, Чернигове и Переяславле воеводы «по крепостях одержались» и уцелели, хотя города были разорены⁴⁸. В Чернигов на помощь воеводе прибыл с войском кн. Ромодановский. Часть города была сожжена. Он настолько пострадал, что правительство вынуждено было на 7 лет освободить его население от всяких податей и повинностей⁴⁹. Приходил Ромодановский и «на защищение» нежинского воеводы: «Нежин город зграбил и спалил»⁵⁰.

В последующие годы планы расправы с русскими воеводами и ратными людьми вынашивал Дорошенко. Он хотел привлечь для выполнения этой миссии казаков Кролевца и Нежина⁵¹. Однако осуществить эти намерения никто уже не посмел⁵².

Институт русских воевод на Черниговщине, как и в целом на Украине, продолжал функционировать и в дальнейшем. «Навсегда» оставался воевода в Чернигове. По Глуховским статьям 1669 г. предусматривалось пребывание воевод и ратных людей также в Нежине, Остре и Переяславле. Своеволия воевод и ратных людей ограничивались: «В права их (мещан. – П.П.) и вольности, и суды, и всякия дела воеводам не входить, а имети начальство над ратными людьми»; «дается гарантия, что за обиды от ратных людей те будут судимы воеводами с участием знатных малороссийских жителей»; «а о поборах малороссийских городов быть по их обыкновению». В документах подчеркивалась главная задача русских воевод на Украине – «быть для обороны от неприятелей»⁵³.

Таким образом, присутствие русских воевод на Украине было отмечено рядом положительных и отрицательных моментов. Наглядно проявилось также противоборство воевод и казацкой старшины. Но как бы то ни было, назначение воевод на Украину и введение вместе с ними ратных людей было в условиях практически не прекращавшихся военных действий мерой оправданной и необходимой для Украины.

Примечания

¹ Эйнгорн В. Киевский воевода П.В. Шереметев и нежинский магистрат (1666–1669 гг.) // Киевская старина. 1891. С. 246–258; Щербина В.И. Киевские воеводы, губернаторы и генерал-губернаторы от

1654 до 1775 г. Киев, 1892; Оглоблин Н. Розыск 1666 г. о злоупотреблениях московских ратных людей в Малороссии // Киевская старина. 1895; Студії з історії України науково-дослідчої катедри історії України в Київі // Коштом управління науковими установами України. Т. 3. 1930. С. V; Шевченко Ф.П. Русские воеводы на Украине (Очерки взаимоотношений Украины с Россией во второй половине XVII в.). Диссертация... канд. ист. наук. М., 1943 (рукопись).

² Соловьев С.М. Лазарь Баранович (Из истории Южно-Русской митрополии). М., 1862; Костомаров Н. Руина. Историческая монография. 1663–1687. Гетманства Брюховецкого, Многогрешного и Сафариловича // Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. Т. 15. СПб.; М., 1882. С. 147, 148, 198, 206, 207, 235–237, 240, 244, 245, 248 и др.; Лазаревский А. Полтавщина в XVII веке // Очерки, заметки и документы по истории Малороссии. Т. 1. Киев, 1892. С. 93–95; Слабченко М.Е. Организация хозяйства Украины от Хмельниччины до мировой войны. Ч. 1. Т. 4. Одесса, 1925. С. 276–281 и др.; Софроненко К.А. Малороссийский приказ Русского государства второй половины XVII и начала XVIII века. М., 1960; Записки історично-філологічного відділу. Кн. II–III (1920–1922). Київ, 1923. Частина офіційна. С. 6–7; Борисенко В.И. Соціально-економічний розвиток Лівобережної України в другій половині XVII ст. Київ, 1986. С. 19–24; Швидько А.К. Источники по истории городских поселений Левобережной Украины в отечественных архивохранилищах (вторая половина XVII – середина XVIII в.). Днепрпетровск, 1986. С. 10; Заремба С. Василь Ломиковський тайого оточення // Київська Старовина. 1993. № 4. С. 87; Заборовский Л.В. 340 лет Переяславской рады. Российско-украинская конференция // Отечественная история. 1995. № 5. С. 218.

³ См., напр.: Костомаров Н. Руина... С. 219; его же. Мазепа и мазепинцы // Исторические монографии и исследования. Кн. 6. Т. 16. СПб., 1905. С. 488, 489, 714, 715; Эйнгорн В. Указ. соч.; Оглоблин Н. Указ. соч.; Слабченко М.Е. Указ. соч. С. 278; Кравцов Д. Московські ратні люди на Запоріжжі в кінці XVII в. (рукопись) – Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского. Институт рукописей (далее: НБУ ИР), ф. X, д. 15297; Історія русів. Київ, 1991. С. 213–214.

⁴ См.: Пиріг П.В. Чернігівщина в торгово-економічних зв'язках України з Росією в середині XVII ст. // Історія народного господарства та економічної думки Української РСР. Вип. 25. Київ, 1991. С. 43–47; его же. Економічні зв'язки Чернігівщини в середині XVII ст. // Український історичний журнал. 1991. № 12. С. 49–52; его же. Чернігівщина в політичних зв'язках України з Росією в середині XVII ст. // Шляхи розвитку слов'янських народів. Актуальні проблеми історії. Вип. 2–3. Київ, 1992. С. 32–44 и др. работы.

⁵ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. Т. 3. М., 1953. С. 412.

⁶ Экстракт из указов, инструкций и учреждений, с разделением по материям, на девятнадцать частей. Собрано в Правительствующем Сенате по малороссийской экспедиции 1786 года // Земский сборник Черниговской губернии. 1901. Июль. Приложения. С. 1.

⁷ Бантыш-Каменский Д.Н. Источники малороссийской истории. Т. 1. М., 1858. С. 4.

⁸ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее: АЮЗР). Т. IV. СПб., 1863. С. 31–33, 42.

⁹ Там же. Т. VII. Прибавления. С. 247.

¹⁰ См.: Борисенко В.И. Указ. соч. С. 20.

¹¹ АЮЗР. Т. VII. Прибавления. С. 350; НБУ ИР, ф. VIII, д. 147/56, л. 71.

¹² Центральный государственный исторический архив Украины (далее: ЦГИА Украины), ф. 222, оп. 2, д. 38, л. 45 об.; НБУ ИР, ф. I, д. 54671, л. 109.

¹³ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением Собственной его императорского величества канцелярии (далее: Дворцовые разряды). Т. III. СПб., 1852. Стб. 844–845, 897, 898, 1004; РГАДА, ф. 229, оп. 5, д. 15, л. 1–12, 15, 20, 32, 47, 93, 122.

¹⁴ РГАДА, ф. 229, оп. 1, д. 124, л. 58, 74 и др.; оп. 5, д. 109, л. 3; д. 217, л. 87–88.

¹⁵ НБУ ИР, ф. I, д. 58048, л. 382 об.; РГАДА, ф. 229, оп. 1, д. 129, л. 13, 15, 69; д. 153; л. 1, 12; д. 158, оп. 5, д. 200, л. 19, 33, 41, 87, 99; д. 505, л. 1.

¹⁶ АЮЗР. Т. VII. С. 228.

¹⁷ См.: Переписка нежинского воеводы Ивана Ивановича Ржевского с московским правительством 1665–1667 гг. (Из Московского главного архива Министерства иностранных дел) // Земский сборник Черниговской губернии. 1901. № 5. Приложения. С. 1–13.

¹⁸ РГАДА, ф. 229, оп. 1, д. 153, л. 1; оп. 5, д. 15, л. 1–12; д. 200, л. 64–69, 99–100.

¹⁹ АЮЗР. Т. VII. С. 328, 330.

²⁰ Там же. С. 358, 368; Т. IX; С. 420–422; Т. VI. С. 104.

²¹ Там же. Т. V. С. 127.

²² РГАДА, ф. 229, оп. 5, д. 15, л. 93, 94; АЮЗР. Т. VI. С. 94–95.

²³ РГАДА, ф. 229, оп. 5, д. 200, л. 69, 112; оп. 1, д. 124, л. 112.

²⁴ Оглоблин Н. Указ. соч. С. 1.

²⁵ АЮЗР. Т. V. С. 122.

- ²⁶ Там же. Т. VI. С. 18.
- ²⁷ НБУ ИР, ф. VIII, д. 225/97, л. 239–241.
- ²⁸ АЮЗР. Т. XI. Стб. 83.
- ²⁹ НБУ ИР, ф. XIV, д. 163, л. 69.
- ³⁰ АЮЗР. Т. V. С. 64–66, 106, 184–185 и др.
- ³¹ Переписка нежинского воеводы... С. 38 и др.; АЮЗР. Т. VI. С. 77.
- ³² НБУ ИР, ф. VIII, д. 225/97, л. 282.
- ³³ АЮЗР. Т. V. С. 127.
- ³⁴ Софроненко К.А. Указ. соч. С. 148–149.
- ³⁵ РГАДА, ф. 229, оп. 5, д. 52, л. 1; Шевченко Ф.П. Російські воєводи в Київі у другій половині XVII ст. // Географічний фактор в історичному процесі. Київ, 1990. С. 112.
- ³⁶ РГАДА, ф. 229, оп. 5, д. 217, л. 87–88.
- ³⁷ Там же, оп. 1, д. 153, л. 13.
- ³⁸ ЦГИА Украины, ф. 237, оп. 1, д. 33, л. 1–1 об.
- ³⁹ АЮЗР. Т. V. С. 105.
- ⁴⁰ ЦГИА Украины, ф. 133, оп. 1, д. 2, л. 1.
- ⁴¹ Дворцовые разряды. Т. III. Стб. 1386. См. также: Стб. 1614.
- ⁴² НБУ ИР, ф. VIII, д. 225/97, л. 218–220.
- ⁴³ Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время его шведской и польской служб от 1655 до 1661 г. и во время его пребывания в России от 1661 до 1699 гг. Ч. 2. М., 1892. С. 128, 162, 163; Летописец, или описание краткое знатнейших действ и случаев, что в котором году деялося в Украине малороссийской обеих сторон Днепра и кто именно когда гетманом был козацким // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Комиссиею для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1888. С. 31.
- ⁴⁴ АЮЗР. Т. XI. Стб. 84.
- ⁴⁵ Там же. Т. IX. С. 899.
- ⁴⁶ Там же. Т. VI. С. 94, 96.
- ⁴⁷ НБУ ИР, ф. I, д. 58047, л. 370, 370 об.
- ⁴⁸ ЦГИА Украины, ф. 222, оп. 2, д. 38, л. 47 об.; НБУ ИР, ф. I, д. 54671, л. 57 об. – 58 об.; Дворцовые разряды. Т. III. Стб. 844–845; О малороссийском народе и о запорожцах // Исторические сочинения Г.Ф. Миллера. М., 1846. С. 16–17.
- ⁴⁹ См.: Очерк истории города Чернигова. 907–1907. Чернигов, 1908. С. 22.
- ⁵⁰ Летописец... С. 26.
- ⁵¹ АЮЗР. Т. XII. Стб. 18, 19.
- ⁵² Слабченко М.Е. Указ. соч. С. 280.
- ⁵³ Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. С. 11; Летописец... С. 26.